

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

© 2025

УДК: 338.1; 321,7; 321.1

Екатерина Романчук

младший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

(г. Москва, Российская Федерация)

(e-mail: kate.romanchuk@ya.ru)

ЗАВИСИМОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ ОТ СЛОЖИВШЕЙСЯ В НИХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (ОПЫТ УЗБЕКИСТАНА)

В опубликованных в последние годы исследованиях, как правило, не обнаруживают положительного влияния демократии на экономический рост. Однако международные организации настаивают на внедрении развивающимися странами демократических принципов функционирования политической системы с целью обеспечения устойчивого и сбалансированного роста национальных экономик. В данной статье показано, что связующим элементом между двумя указанными переменными является государственное управление, повышение качества которого возможно как в рамках демократического, так и в рамках авторитарного режима. При этом в ходе изучения опыта Узбекистана обнаружено, что авторитарные режимы способны обеспечить высокие темпы экономического роста, но он не будет сопровождаться развитием экономики страны.

Ключевые слова: Узбекистан, демократия, экономический рост, качество государственного управления.

DOI: 10.31857/S0207367625020018

В апреле 2023 г. Таджикистан подал заявку на присоединение к программе Европейского союза (далее – ЕС) «Всеобщей схемы преференций +» (*англ.* Generalised Scheme of Preferences +) [1], участниками которой к тому времени из постсоветских государств были Армения, Киргизия и Узбекистан. Особенностью этой программы является увязка снижения тарифов для импортируемых в страны ЕС товаров с ратификацией и имплементацией государством-партнером 27 международных конвенций в области защиты прав человека, защиты окружающей среды и хорошего управления¹. Иными словами, для увеличения объемов экспорта в европейские страны и диверсификации его структуры Таджикистану придется осуществить ряд демократических преобразований.

Эксперты международных организаций считают, что демократия оказывает прямое влияние на экономическое развитие стран. Так, Программа развития Организации Объединенных Наций в плане сотрудничества с Узбекистаном на период с 2021 по 2025 г. указала, что внедрение демократических принципов является одним из «предварительных условий для успеха экономических реформ» [2. Р. 3]. Вместе

¹ Это условие дополняет требования об уровне дохода на душу населения в стране (в течение трех лет Всемирный банк классифицирует государство как страну с высоким уровнем дохода или страну с уровнем дохода выше среднего), концентрации импорта товаров этой страны в ЕС (более ¼ от всего объема в течение трех лет приходится на семь позиций) и объемах торговли с ЕС (доля импорта товаров из страны в ЕС среди всех государств, участвующих в европейской системе преференций, не должна превышать 7,4%).

с тем, в научном сообществе вопрос о связи двух переменных — демократии и экономического роста — в настоящее время остается дискуссионным.

В данной статье на примере Узбекистана нами предпринята попытка разрешить указанное противоречие; с этой целью мы рассмотрели, как политическая система республики влияла на макроэкономические показатели страны, а также предложили модель для описания связи демократии и экономического роста.

Взаимовлияние экономического роста и демократии

Отечественные и зарубежные ученые в своих исследованиях приходят к различным выводам относительно наличия связи между демократизацией общественной жизни и улучшением макроэкономических показателей. Например, Р.М. Марш никакой связи между демократическим устройством и темпами экономического роста не обнаружил [3], тогда как Ж. Таварез, Р. Вакзиард, А. Айсен и Ф. Хосе Вейга обосновали негативное влияние демократии на экономический рост [4, 5]. Российские ученые Р.В. Парма, С.В. Расторгуев и Ю.С. Тянь на основе изучения страновых данных за период с 2010 по 2018 г. среди рассмотренных ими политических режимов выделили гибридные как наиболее благоприятствующие экономическому росту [6].

Как показали исследования американских ученых А. Хейтора и Д. Феррейра, автократии демонстрируют как лучшие, так и худшие показатели темпов роста экономики [7]. При этом иногда бывает трудно связать политические режимы с экономическим ростом, поскольку макроэкономические показатели при авторитарных режимах во многом определяются поставленными целями. Как утверждают Дж. Герринга, Х. Йерлеб и К.Х. Кнутсен, в странах с таким политическим устройством с большей вероятностью будет внедрена экономическая модель развития, ориентированная на тяжелую промышленность; эти политические режимы достигают успеха в проведении быстрой и всеобъемлющей индустриализации [8] из-за того, что обладают лучшими возможностями и предлагают более сильные стимулы по сравнению с демократическими государствами.

Эмпирические исследования влияния демократического устройства на экономический рост в разрезе отдельных стран выявили разную динамику данного процесса. К примеру, экономисты из Австралии П.К. Нараян, С. Нараян и Р. Смит, изучив взаимосвязь между демократией и экономическим развитием в 30 странах Африки к югу от Сахары за период 1972–2001 гг., заключили, что для Ботсваны улучшение демократии на 1% привело к увеличению валового внутреннего продукта (далее — ВВП) на 0,6%, тогда как в Габоне внедрение демократических практик вызвало снижение ВВП на 0,41%, а в Нигерии — на 0,35% [9]. С одной стороны, как утверждает, Мяоцзе Юй, демократия поддерживает открытость внешней торговли страны, улучшая качество продукции, продаваемой на ее внутреннем рынке, и снижая торговые издержки [10]; с другой стороны, А. Матура и К. Сингха отмечают, что демократические страны привлекают меньше прямых иностранных инвестиций из-за разногласий в политических интересах между правящими партиями [11], что не позволяет таким политическим режимам разработать и провести экономические реформы, необходимые для инвесторов.

При рассмотрении влияния демократии на отдельные показатели экономического развития, характеризующие качество предоставления услуг в сферах

образования, здравоохранения и социального обеспечения, выводы ученых также были неоднозначными. К примеру, в статьях М.А. Баума и Д.А. Лейка, а также С. Фоллмера и М. Циглера авторы пришли к заключению о том, что при демократическом устройстве увеличивается продолжительность жизни и снижается уровень неграмотности среди бедного населения [12, 13]. М.Л. Росс, а также Дж. Герринг, С.К. Такер, Р. Альфаро не усмотрели какого-либо воздействия демократии на уровень младенческой смертности [14, 15], а японские ученые С. Аннакаа и М. Хигашиджимаб продемонстрировали, что в краткосрочной перспективе политическая либерализация с большой вероятностью приведет к обеспечению равного доступа граждан к государственным услугам и отразится на показателях младенческой смертности, но в долгосрочной перспективе эффекты от проведенных политических реформ будут снижаться [16].

Как утверждают А. Кронерт и А. Хадениус в своей вышедшей недавно статье, нет никаких доказательств того, что демократия оказывает прямое влияние на сферу социальной защиты — скорее, наоборот [17]. Более того, по мнению К. Кнутсена и М. Расмуссена, расширение сферы социальной защиты более вероятно среди авторитарных режимов [18], поскольку авторитарные лидеры обретают устойчивость за счет таких инструментов, как повышение социальной мобильности граждан за счет увеличения уровня правительственных расходов на высшее образование, т.е. инвестируя в человеческий капитал [19], продолжая в период экономических спадов предоставлять всеобщие социальные пособия [20] и продвигая экономическое равенство [21].

Ученым, изучающим взаимовлияние демократии и экономического роста, нередко приходится сталкиваться с рядом сложностей, поскольку данная тема исследования затрагивает одновременно две сферы общественной жизни: экономику и политику. Если оценить динамику происходящих в экономической сфере процессов помогают статистические данные, то для политической сферы полностью удовлетворительная мера оценки режима отсутствует. Варианты значительно сокращаются, когда требуется мера, обеспечивающая анализ большой выборки стран за длительный период времени. Как правило, в работах ученых, посвященных изучению данного феномена в последние годы, используется Freedom House Political Rights indicator. Для анализа более ранних периодов учеными применялись такие показатели, как Индекс, созданный Гастилом (Freedom Cover), Polity IV dataset или комплексный показатель, — включающие несколько переменных. Отсутствие единой системы порождает проблемы, связанные с сопоставлением выводов.

Кроме того, даже в развитых странах отсутствует единое понимание термина «демократия», на что указывают, в частности, Э. Хеллквист и С. Палестина [22]. А. Загребина в недавнем исследовании доказала, что в авторитарных и «гибридных» режимах демократия ассоциируется у людей, главным образом, со свободными выборами политических лидеров, процветающей экономикой и возможностью изменения законов путем референдума, тогда как в «полноценных демократиях» под этим термином понимается гендерное равенство, свободные выборы лидеров государств и гражданские права, защищающие свободу людей от угнетения [23]. Примечательно, что только граждане, живущие в странах с авторитарным

и гибридным режимом и в несовершенных демократиях, склонны считать процветающую экономику одной из ключевых характеристик демократии. Это объясняется экономическими условиями [24. Р. 651], личной убежденностью людей [25. Р. 186] и пропагандой популистских правителей [26].

Вместе с тем при анализе влияния демократии на экономический рост государств сложности возникают не только с оценкой политических режимов в отдельных странах, но и с корректностью экономических показателей, публикуемых национальными правительствами. Данные макроэкономической статистики могут не отражать реальную ситуацию в стране, если, например, у правительств недостаточно возможностей предоставлять достоверную информацию [27], в том числе из-за слабого статистического потенциала. В недемократических странах зачастую скрывается информация о реальном состоянии экономики и публикуются отдельные показатели, демонстрирующие достижения руководства государства [28]. Ученая из Университета Чикаго Луис Р. Мартинес на основе проведенной ею оценки двух десятков государств, рост ВВП которых в 1992–2008 гг. был самым высоким, пришла к выводу, что недостоверность данных связана с манипуляциями и чем более авторитарно государство, тем более завышенными будут показатели [29].

С описанными выше проблемами мы столкнулись и при анализе политического режима и экономических данных Узбекистана. К примеру, некоторые из публикуемых макроэкономических данных вызывают сомнения в отношении корректности подсчета; часть из тех, что касаются социальной сферы, отсутствуют. Однако, по нашему мнению, в настоящее время надежных статических данных республик достаточно для формулирования выводов о связи политической системы страны с ее экономическим развитием. Данные макроэкономической статистики дополнены оценками экспертов немецкого Фонда Бертельсманна (нем. Bertelsmann Stiftung), которые, по нашему мнению, наиболее точно отражают текущую политическую и экономическую ситуацию в Республике Узбекистан. По необходимости некоторые выводы экспертов были дополнены информацией и данными из других источников.

Опыт Узбекистана

«Жесткая» автократия И. Каримова. Республика Узбекистан стала независимым государством в 1991 г., а ее первым президентом — И. Каримов. Его правление растянулось на два с половиной десятилетия и было отмечено утверждением в Узбекистане авторитарного режима. Polity IV характеризует политический режим в Узбекистане с 1994 по 2014 г. как «автократию»². Данные о свободе политических прав в республике от Freedom House доступны только с 2018 г. Они показывают, что в последние годы республика была «не свободна» [31].

Индекс трансформации (англ. Transformation Index) Узбекистана, составляемый Фондом Бертельсманна, в период с 2003 по 2019 г. включительно варьировался от 3,01 до 3,71, и только к 2024 г. достиг 4,78, приблизившись к показателям Казахстана и Киргизии (рис. 1).

² Polity IV характеризует политический режим в Узбекистане с 1994 по 2014 г. как «автократию». Причем показатель республики на всем протяжении независимости страны был одним из самых низких среди постсоветских государств [30].

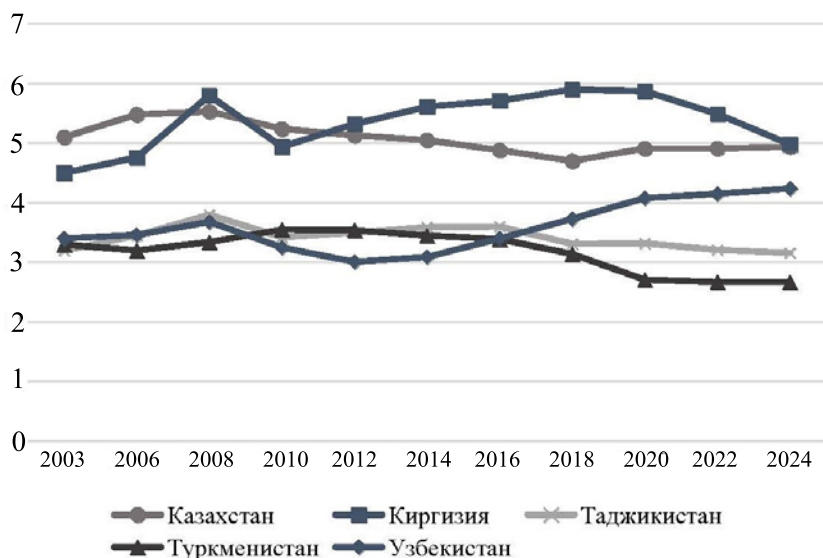

Рис. 1. Индекс трансформации стран Центральной Азии за период с 2003 по 2024 г.
Источник: составлено автором по данным Фонда Бертельсмана [32].

В 2014 г. Узбекистан описывался как «один из самых авторитарных режимов в мире» [33. Р. 8]. Разделение властей существовало только на бумаге. При этом Администрация Президента Республики Узбекистан имела статус «четвертой власти», так как могла влиять на решения законодательной, исполнительной и судебной властей, а Служба национальной безопасности, из которой назначались лица на государственные посты, стала теневой властью в стране [34. Р. 9]. Отличительной особенностью Узбекистана в середине второго десятилетия XXI в. стала повсеместная коррупция [35. Р. 5–6] и кумовство, особенно на региональном уровне [34. Р. 6]. Установленная в республике «узбекская модель» демократии, при которой квазидемократические институты функционируют в рамках очерченных им политическим режимом границ, привела к формированию олигархического капитализма и рентной экономики, а они, в свою очередь, — к клиентализму «как основному механизму в политической системе» [Ibid. Р. 11–12].

Во внешней политике действия Узбекистана оценивались как непредсказуемые [36. Р. 32–33]. Соседние государства часто обвиняли республику в «нечистой» игре», так как Узбекистан не раз вводил меры по ограничению взаимной торговли в отношении состоящих с ним в одной региональной интеграции государств [37. С. 861]. Самым сложным было сотрудничество республики с Таджикистаном, особенно после решения руководства последнего из упомянутых государств построить Рогунскую гидроэлектростанцию.

При взаимодействии с региональными и глобальными институтами Узбекистан не стремился принимать продвигаемые ими правила [36. Р. 32–33]. Так, например, республика довольно поздно (в 2008 г.) ратифицировала конвенции о детском труде, и только в 2014 г. Международная организация труда констатировала, что лица, не достигшие 18 лет, не принуждаются к сбору хлопка [38].

«Мягкая» автократия Ш. Мирзиёева. В первые годы президентства Мирзиёева стало очевидным, что новый глава государства в вопросе демократизации страны не пытается «заморозить статус-кво», но и не намерен ускорять переход к более демократичному режиму правления [39. Р. 5]. Стиль Ш. Мирзиёева международные эксперты охарактеризовали как «мягкий автократический», поскольку президент при проведении рыночных преобразований в экономике сохранил жесткий контроль над политической системой [Ibid. Р. 33]³. Администрация Президента Республики Узбекистан сохранила за собой статус «четвертой ветви власти», которая определяет решения законодательной, исполнительной и судебных властей [40. Р. 11]. Однако влияние Службы национальной безопасности на принимаемые решения уменьшилась после начала проведения административной реформы и создания нового учреждения – Национальной гвардии [Ibid. Р. 6]. Функционированию демократических институтов по-прежнему препятствует кумовство и кланово-семейные связи [Ibid. Р. 16].

Стоит отметить, что по сравнению с 2016 г., когда Ш. Мирзиёев занял пост Президента Республики Узбекистан, страна улучшила позиции в Индексе верховенства закона Всемирного проекта правосудия (рис. 2). В 2024 г. страна занимала 83 место из 142. Наибольших изменений республика добилась по показателям «отсутствия коррупции», особенно в законодательной ветви власти. Однако в сравнении с соседним Казахстаном, значение данного фактора остается недостаточно высоким. По сравнению с 2016 г., у Узбекистана улучшились показатели в части открытости правительства (публикуемые законы и государственные данные), гражданского правосудия (касательно свободы от неправомерного влияния правительства).

При Ш. Мирзиёеве стала больше соблюдаться свобода граждан на выражения мнения. Так, в научных журналах появилось больше критических статей относительно состояния экономики страны. К примеру, в 2020 г. из-за роста озабоченности среди представителей экспертных кругов и общественности стремительным увеличением государственного долга, руководством страны был организован круглый стол по данной тематике [42]. Кроме того, наблюдается стремление к установлению диалога власти с гражданским обществом. Если в 2005 г. протест граждан, недовольных принятыми Правительством Республики Узбекистан экономическими мерами, был жестко подавлен [43. Р. 1–17, 44], то в 2022 г. после демонстраций в г. Нукус (Каракалпакстане) по поводу конституционной реформы были не только удовлетворены политические требования вышедших на протест граждан, но и введены экономические меры для повышения благосостояния региона⁴.

Кардинальному пересмотру подверглась внешняя политика Узбекистана. В 2021 г. между Узбекистаном и Таджикистаном возобновлено авиасообщение [46]. К началу 2025 г. Узбекистан завершил переговоры с Киргизией и Таджикистаном о делимитации границ, длившиеся с момента обретения странами

³ Схожие оценки политической системы Узбекистана международные эксперты давали в докладе от 2024 г. [40. Р. 5].

⁴ В частности, на 5 лет по некоторым налогам вдвое и более снижены ставки, выделены средства для стимулирования предпринимательской деятельности, а также дано поручение в упрощенном порядке предоставить гражданам в аренду свободные земельные площади для реализации проектов в сфере сельского хозяйства [45].

Рис. 2. Показатели Узбекистана по Индексу верховенства закона в сравнении с показателями соседних стран

Источник: составлено автором по данным Всемирного проекта правосудия [41].

независимости [47]. Узбекистан активизировал взаимодействие с глобальными и региональными финансовыми организациями.

Однако за последние 10 лет ситуация в мире в целом и в регионе существенно изменилась. В мировой экономике по мере усиления геополитической напряженности стали проявляться тенденции к геоэкономической фрагментации товарных рынков и трансформации глобальных цепочек добавленной стоимости. Политические системы соседних государств и стран — основных экономических партнеров Узбекистана — стали более авторитарными (рис. 3).

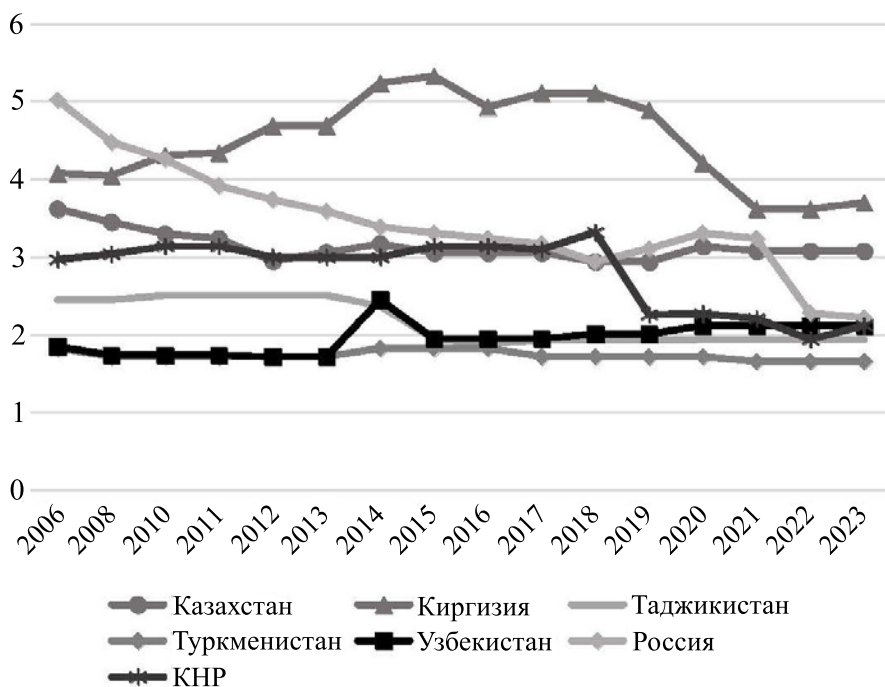

Рис. 3. Оценка демократичности стран Центральной Азии, России и КНР

Источник: составлено автором по данным Экономист интеллигенс [48. Р. 18–19].

Текущая ситуация в мире не может не сказываться на ситуации внутри Узбекистана. Как заключили эксперты Фонда Бертельсмана в своем отчете от 2024 г., пока в официальных заявлениях высших должностных лиц государства «как мантра» повторяются такие слова, как «демократия», «демократические реформы» и прочее, политические реформы в Узбекистане носят фрагментированный характер, и чем больше они проводятся, тем сильнее сопротивление таким преобразованиям [40. Р. 16, 13, 5].

«Узбекская модель» экономического развития. Показатели роста экономики Узбекистана в период президентства И. Каримова были высокими, составляя в 1997–2001 гг. в среднем 4,36% в год, а в следующие периоды превышая 6% (табл. 1). Ко второму десятилетию XXI в. инфляция в стране опустилась ниже 10%. Несмотря на стремительный рост населения, ВВП на душу населения в 2007–2016 гг. увеличивался в среднем на 5–7% в год. Доля безработных составляла около 5%. На фоне существенного роста профицита по счету текущих операций платежного баланса Узбекистана правительству страны удалось к середине 2010-х г. сократить объемы внешних заимствований.

Однако международные эксперты не раз выражали скептицизм относительно корректности публикуемой Узбекистаном макроэкономической статистики⁵.

⁵ См., например, доклад Всемирного банка о состоянии экономики Узбекистана, опубликованный в 2016 г. [50].

Качество статистики было в целом невысоким: не публиковалось большинство данных, методология расчета отдельных показателей не раскрывалась. К примеру, экономические данные республики не позволяли оценить реальные масштабы бедности и социального неравенства в стране и сопоставить их с данными по другим государствам⁶.

Таблица 1

Основные макроэкономические показатели Узбекистана за период с 1992 по 2016 г.

Среднее значение показателя за период	1992–1996	1997–2001	2002–2006	2007–2011	2012–2016
Прирост ВВП (в постоянных ценах) ⁷ , %	–0,30	4,36	6,02	8,24	6,88
Инфляция (рост потребительских цен на конец года) ⁸ , %	586,87	31,39	12,36	12,71	9,82
Прирост населения, %	2,16	1,44	1,24	1,53	1,64
Рост ВВП на душу населения, %	–5,63	2,87	4,70	6,69	5,15
Индекс человеческого развития ⁹	н.д.	65,38	66,92	68,61	70,04
Безработица ¹⁰ , %	н.д.	5,20	4,38	5,05	5,03
Сальдо счета текущих операций, % от ВВП	–3,19	0,00	5,51	5,75	1,49
Объем внешнего долга, % от валового национального дохода	9,76	31,45	41,81	17,30	14,72

Источник: составлено автором по данным МВФ [49].

К середине 2010-х г. в социальной сфере Узбекистана появились проблемы, связанные с недоступностью всем наиболее уязвимым слоям населения предлагаемой государством социальной помощи [52. С. 5] и качеством медицинских и образовательных услуг, которые по закону должны были оказываться населению бесплатно, но на деле предоставлялись за дополнительную плату [53. Р. 7]. Хотя проблема с бедностью в Узбекистане оставалась одной из основных, термин «бедность» не использовался в официальных документах и публичных документах, а ее существование не признавалось руководством страны [33. Р. 10]¹¹.

Основная проблема экономики Узбекистана состояла в том, что доля государственного сектора была слишком высокой. В докладе Европейского банка реконструкции и развития со ссылкой на официальные оценки приводятся следующие цифры: в 2016 г. на долю государственного сектора приходилось

⁶ В Узбекистане для измерения бедности использовался показатель «минимальное потребление продуктов питания, эквивалентное 2100 килокалорий на человека в день». Доля населения, относимого к данной группе, в 2002 г. составляла 24,3%, а в 2014 г. снизилась до 13,7% [51. С. 19].

⁷ Данные доступны с 1993 г.

⁸ Данные доступны с 1993 г.

⁹ Данные доступны с 2000 г.

¹⁰ Данные доступны с 2001 г.

¹¹ Данное утверждение, по нашему мнению, является не совсем корректным, поскольку руководство Узбекистана разрабатывало (хотя и под давлением Всемирного банка) стратегии по борьбе с бедностью.

примерно пятая часть ВВП, внешней торговли и общей занятости [54. Р. 9]. При этом оговаривается, что к государственным предприятиям относятся только те, которыми государство владеет на 100% [Ibid. Р. 9–10]. В указанном докладе международной организации отмечается, что предприятия с высокой долей государства в капитале имели преимущественный доступ к таким ресурсам, как земля, финансы и инфраструктура [Ibid. Р. 2].

Анализ нормативно-правовых актов Республики Узбекистан в сфере экономики позволяет сделать вывод о том, что на законодательном уровне не были созданы условия для развития конкуренции. К разным категориям участников рынка применялись различные требования [33. Р. 11], а большое количество запретов и ограничений в экономической сфере приводили к развитию неформальной (теневой) экономики [Ibid. Р. 24]. Международные эксперты описывали экономику Узбекистана как построенную по принципам государственного капитализма, в котором сохранялись элементы командной экономики, а национальные ресурсы были переданы в руки олигархических структур [36. Р. 13].

Вследствие неразвитого внутреннего финансового рынка и небольших сумм иностранных инвестиций, наблюдалась деградация инфраструктуры. Так, например, индекс логистики с 2010 по 2016 г. снизился на 0,4 п.п. (рис. 4). Больше всего снижение наблюдалось по таким показателям, как «инфраструктура» (0,52 п.п.), «международная доставка» (0,57 п.п.) и «своевременность» (0,64).

В середине 2010-х г. из-за снижения мировых цен на товарно-сырьевые ресурсы доходы государственного бюджета сократились, что привело к назреванию в экономике страны кризисных явлений.

Либерализация экономики. С 2017 по 2023 г., несмотря на неблагоприятную ситуацию в мировой экономике, вызванную распространением COVID-19 и нарастанием геополитической напряженности, темпы роста экономики Узбекистана были высокими, достигая показателя в 8,04% в 2021 г. (табл. 2). Международные организации, опираясь на планы правительства по преобразованию экономики, публиковали оптимистичные прогнозы в отношении экономического будущего республики. Однако в 2024 г. стало заметно, что стремительный рост инвестиций не приводит к наращиванию скорости увеличения общей производительности факторов производства более тех показателей, которые наблюдались в 2012–2016 гг. (1–2%) [56. Р. 4].

Вследствие девальвации национальной валюты по причине либерализации валютного курса, инфляция в стране в 2017 г. выросла до 18,7%, и только в 2021 и 2023 гг. опускалась ниже 10%. Опережающий рост объемов импортных операций по сравнению с экспортом привел к образованию дефицита по счету текущих операций платежного баланса, который покрывался, в основном, привлечением средств в виде долговых обязательств. В итоге, в 2022 г. внешние заимствования в соотношении с валовым национальным продуктом составили 60,3% против 25,8% в 2016 г.

В настоящее время государство по-прежнему контролирует ключевые сектора экономики – такие, как энергетика, нефть и газ [40. Р. 19]. Предприятия, находящиеся в собственности государства, генерируют около половины ВВП страны и получают большую долю бюджетной и нормативной поддержки [58. Р. 2]. По расчетам центра

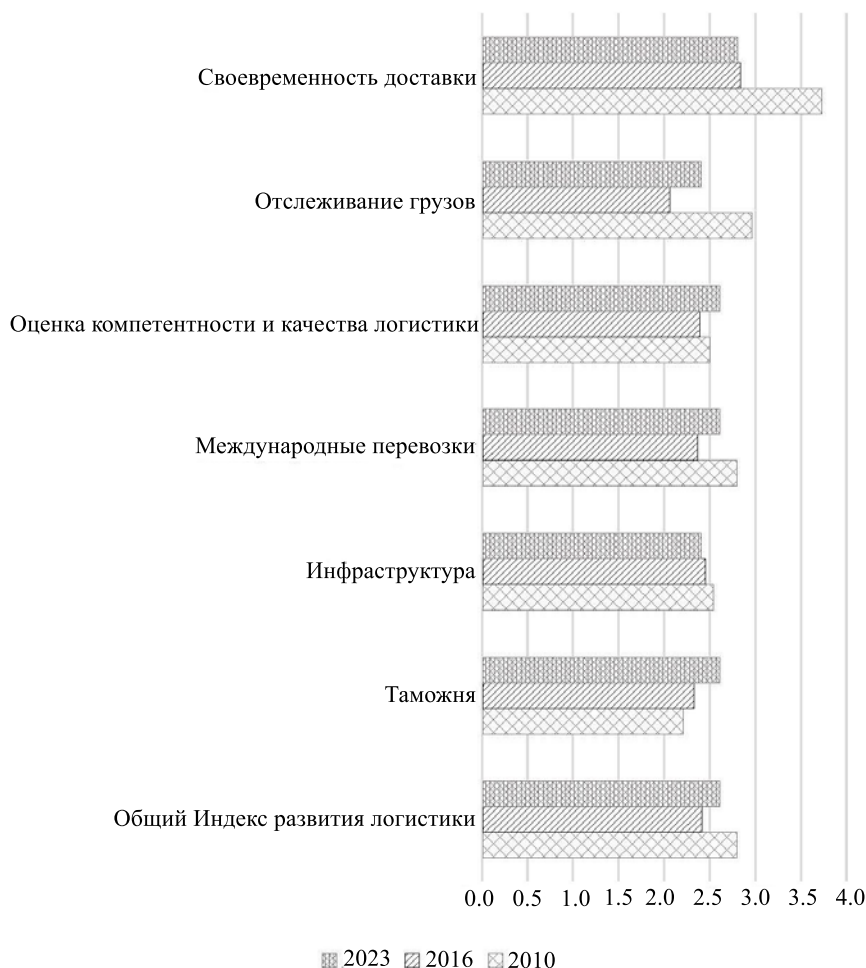

Рис. 4. Значения Индекса развития логистики для Узбекистана в 2010, 2016 и 2023 г.¹²

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка [55].

экономических исследований и реформ (Узбекистан), по итогам первого квартала 2024 г. около 70% активов всей банковской системы и кредитного портфеля было сосредоточено в 10 государственных банках [59]. Доля субъектов малого предпринимательства в ВВП, достигнув в 2017 г. максимального показателя в 67,2% за всю историю наблюдений, в 2023 г. составила 54,5% [60], а их доля в занятости населения опустилась с 78,2% в 2016 г. до 74,0 в 2023 г. [61].

Согласно оценкам Европейского банка реконструкции и развития, экономика Узбекистана в 2024 г. по сравнению с 2016 г. стала немного более конкурентоспособной, «зеленой», инклюзивной и устойчивой, но показатели республики все еще заметно уступают показателям соседнего Казахстана (рис. 5).

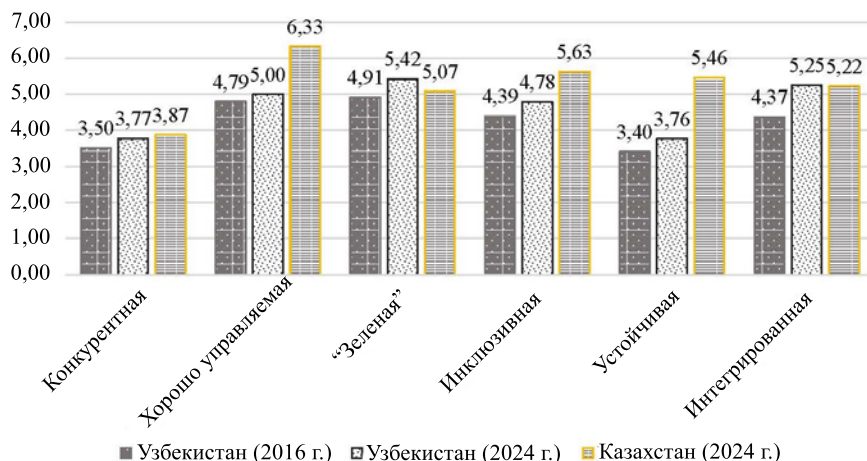
¹² Наивысшим значением показателя является 5.

Таблица 2

Основные макроэкономические показатели Узбекистана за период с 2017 по 2023 г.

Показатели	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Прирост ВВП (в постоянных ценах), %	4,40	5,56	6,78	1,56	8,04	6,00	6,29
Инфляция (рост потребительских цен на конец года), %	18,78	14,27	15,19	11,17	9,98	12,26	8,75
Прирост населения, %	1,69	1,73	1,81	1,87	1,94	2,01	2,02
Рост ВВП на душу населения, %	2,64	3,75	4,86	−0,32	5,96	3,89	4,16
Индекс человеческого развития	70,76	71,01	71,15	71,34	70,33	70,86	0,00
Безработица, % от экономически активного населения	5,83	9,35	8,98	10,53	9,63	8,85	6,81
Коэффициент бедности на уровне 2,15 долл. в день (по ППС 2017 года), % от численности населения	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	2,30	н.д.
Коэффициент Джинни	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	31,20	н.д.
Сальдо счета текущих операций, % от ВВП	2,12	−6,12	−5,01	−4,56	−6,33	−3,16	−7,68
Объем внешнего долга, % от валового национального дохода	25,83	32,38	37,62	55,83	58,04	60,27	н.д.

Источник: составлено автором по данным МВФ [49] и Всемирного банка [57].

Рис. 5. Характеристика экономики Узбекистана в 2016 и 2024 гг. в сравнении с экономикой Казахстана¹³

Источник: составлено автором по данным Европейского банка реконструкции и развития [62. Р. 118].

¹³ Наивысшим значением показателя является 10.

Анализ макроэкономических данных, публикуемых официальными ведомствами Республики Узбекистан, показывает, что руководство страны в большей степени ориентируется на решении тех проблем, о которых заявляют международные организации. Поэтому в общем доступе отсутствуют данные, характеризующие, например, текущее состояние дорожной и энергетической инфраструктуры. Требуемые решения проблемы в экономике страны освещаются только в том случае, если произошло какое-то происшествие (как прорыв дамбы Сардобинского водохранилища в 2020 г. из-за нарушений при ее строительстве и эксплуатации [63] и энергетический кризис, случившийся зимой, в том числе, из-за резкого повышения нагрузки на изношенное оборудование) [64].

С 2017 г. руководство Узбекистана стало уделять повышенное внимание борьбе с бедностью. В 2020 г. бедность впервые была названа «критически важной проблемой» [65], а преобразованное из Министерства экономики и промышленности Министерство экономического развития и сокращения бедности было наделено дополнительными функциями, среди которых – разработка и реализация программ развития человеческого капитала, выработка инструментов и механизмов сокращения бедности и др. [66]. В следующем году для оказания поддержки семьям, нуждающимся в материальной помощи, начала работать система «Железная тетрадь» (узб. «Темир дафтар»), дополненная впоследствии «Женской тетрадью» (узб. «Аёллар дафтари») и «Молодежной тетрадью» (узб. Ёшлар дафтари») [67]. В 2024 г. с целью обеспечения более справедливого включения в указанные «блокноты» и предоставления адресной помощи установлено, что решения в рамках данной программы принимаются специальной комиссией из семи человек, в которую входят помощник мэра, молодежный лидер, женская активистка и социальный работник [68]. В результате осуществленных преобразований, с 2021 по 2023 г. из состояния бедности было выведено 1,6 млн человек [69]. Впервые подсчитано количество граждан, подпадающих под категорию «многомерно бедные». Их по состоянию на 2022 г. оказалось 604 тыс. человек (1,7% населения Узбекистана), еще 84 тыс. человек (0,2%) были классифицированы как уязвимые к многомерной бедности [70].

Если в 2016 г. Узбекистан почти на 10 п.п. отставал от Казахстана и Киргизии по индексу достижения Целей устойчивого развития, то уже к концу 2023 г. по этому показателю республика приблизилась к значениям двух упомянутых государств, показав наибольший рост за весь исследуемый период. В итоге показатель Узбекистана составил 69,2, тогда как показатель Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана был равен 71,1; 74,6; 68,9 и 67,1 соответственно [71]. Наибольших успехов Узбекистан добился в вопросах сокращения бедности и неравенства, улучшения качества здравоохранения, образования и инфраструктуры.

Однако решить за несколько лет проблемы, которые накапливались во время президентства И. Каримова, невозможно. Поэтому в Узбекистане порядка 84% домохозяйств по-прежнему не имеют доступа к централизованной канализации [72] и около 70% населения – к централизованному снабжению питьевой водой [73].

Таким образом, на примере Узбекистана становится очевидным, что прямой корреляции между политическим режимом и экономическим ростом практически нет. Социальная сфера при авторитарном режиме может как деградировать,

как при президентстве И. Каримова, так и улучшаться, как при Ш. Мирзиёеве. Либеральные преобразования в экономике стимулируют экономический рост, особенно если проводятся за счет ранее накопленных резервов, но не обязательно приводят к формированию инклюзивной и сбалансированной экономики и к экономическому развитию страны в долгосрочной перспективе.

Влияние качества государственного управления на экономический рост

В результате изучения теоретической литературы по вопросу связи демократии с экономическим ростом и рассмотрения примера Узбекистана вырисовывается следующая схема взаимодействия двух переменных (рис. 6). Демократическая форма правления способствует повышению качества государственного управления, которое, в свою очередь, приводит к экономическому росту.

Как следует из отчетов Фонда Бертельсмана, наибольший прогресс у Узбекистана наблюдался именно в системе государственного управления (рис. 7). Хотя в настоящее время в системе государственного управления Узбекистана по-прежнему наблюдается нехватка квалифицированных государственных служащих [74. Р. 34], трудоустройство на государственную гражданскую службу стало более прозрачным и конкурентным [75. Р. 22].

В результате преобразований показатели Узбекистана в индексе качества управления государством заметно улучшились, особенно в вопросах регулирования и подотчетности (рис. 8).

Вместе с тем приходится констатировать, что Всемирный банк все еще довольно низко оценивает качество государственного управления в Узбекистане.

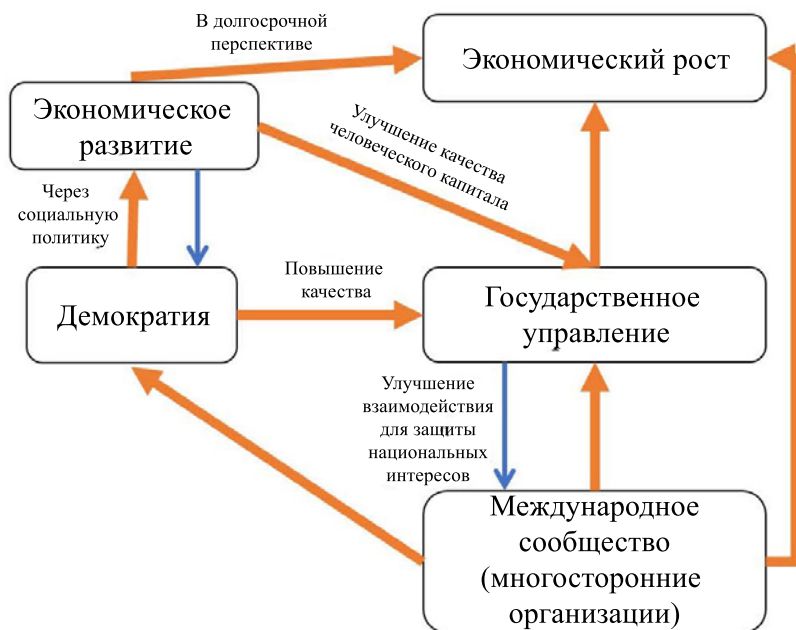

Рис. 6. Схематическое описание связи демократии с экономическим ростом

Источник: составлено автором.

Рис. 7. Значение индексов трансформации политики и экономики Узбекистана с 2003 по 2024 г.

Источник: составлено автором по данным Фонда Бертельсмана [32].

Рис. 8. Значения показателей качества государственного управления в Узбекистане в период с 2014 по 2023 г.¹⁴

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка [76].

¹⁴ Индекс от -2,5 до 2,5.

В декабре 2022 г. Ш. Мирзиёев признал, что управление осуществляется в «ручном» режиме [77]. При этом в государственной системе присутствуют различные стили координации деятельности должностных лиц, вследствие чего устанавливается сложная модель, где за соблюдением исполнительных дисциплин осуществляется «бдительный надзор с самого верха» [439. Р. 31].

В исследованиях отечественных и зарубежных ученых при анализе связи политического режима и макроэкономических показателей стран зачастую упускаются из виду международные организации. По нашему мнению, это приводит к некорректным оценкам. Именно международные организации обращают повышенное внимание на качество государственного управления (в первую очередь – на целевое и эффективное использование предоставляемых стране финансовых ресурсов) и настаивают на внедрении демократических институтов и формировании условий для устойчивого и сбалансированного экономического роста.

Большое значение в вопросах установления демократии и экономического роста играет географическое положение страны. Соседство с авторитарными государствами, а также наличие крепких торговых и инвестиционных связей с ними вынуждает руководство стран, особенно менее экономически развитых и не имеющих прямого выхода к морям, как Узбекистан, копировать их политическую систему и адаптировать свою модель экономического развития под складывающуюся на мировых товарных рынках ситуацию.

В заключение отметим, что экономический рост возможен и при авторитарной форме правления, например, когда он обеспечивается преимущественно за счет экспорта природных ресурсов и продуктов их первичной переработки и страна не нуждается во внешних источниках финансирования. В этом случае у правительства утрачиваются стимулы для выстраивания конструктивного диалога с международными организациями и населением, снижается мотивация для улучшения качества государственного управления.

Литература

1. Putz C. Tajikistan's GSP+ Quest // The Diplomat, 2023. URL: <https://magazine.thediplomat.com/2024-02/tajikistans-gsp-quest>.
2. Draft country programme document for Uzbekistan 2021–2025. Executive Board of the United Nations Development Programme, the United Nations Population Fund and the United Nations Office for Project Services (1st Session of 2021). URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/uz/CPD_Uzbekistan_2021_2025.pdf.
3. Marsh R.M. Sociological explanations of economic growth // Studies in Comparative International Development. 1988. Vol. 23 (4). P. 41–76.
4. Tavares J., Wacziarg R. How democracy affects growth // European Economic Review. 2001. Vol. 45. P. 1341–1378.
5. Aisen A., Jose Veiga F. How does political instability affect economic growth? // European Journal of Political Economy. 2013. Vol. 2. P. 151–167.
6. Парма Р.В. Влияние политических институтов на экономический рост в странах мира // Полис. Политические исследования. 2022. № 1. С. 102–119. DOI: 10.17976/jpps/2022.01.09.
7. Heitor A., Ferreira D. Democracy and the Variability of Economic Performance // Wiley-Blackwell: Economics & Politics. 2002. Vol. 14 (3). P. 225–257.

8. *Gerringa J., Gjerløwb H., Knutsen C.H.* Regimes and industrialization // World Development. 2022. Vol. 152. DOI: 10.1016/j.worlddev.2021.105791. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305750X2100406X>.
9. *Narayan P., Narayan N.S., Smyth R.* Does democracy facilitate economic growth or does economic growth facilitate democracy? An empirical study of Sub-Saharan Africa // Economic Modelling. 2011. Vol. 28 (3). P. 900–910. DOI: 10.1016/j.econmod.2010.11.004.
10. *Yu M.* Trade, Democracy, and the Gravity Equation. Rochester: Social Science Research Network (SSRN Scholarly Paper No. ID 912676), 2010.
11. *Mathur A., Singh K.* Foreign direct investment, corruption and democracy // Applied Economics. 2013. Vol. 45. P. 991–1002.
12. *Baum M.A., Lake D.A.* The Political Economy of Growth: Democracy and Human Capital // American Journal of Political Science. 2003. Vol. 47. P. 333–347.
13. *Vollmer S., Ziegler M.* Political Institutions and Human Development Does Democracy Fulfill its “Constructive” and “Instrumental” Role? Washington, DC: The World Bank (Policy Research Working Paper Series No. 4818), 2009.
14. *Ross M.L.* Is Democracy Good for the Poor? // American Journal of Political Science. 2005. Vol. 50. P. 860–874. DOI: 10.1111/j.1540-5907.2006.00220.x
15. *Gerring J., Thacker S.C., Alfaro R.* Democracy and Human Development // The Journal of Politics. 2012. Vol. 74. P. 1–17.
16. *Annakaa S., Higashijimab M.* Political liberalization and human development: Dynamic effects of political regime change on infant mortality across three centuries (1800–2015) // World Development. 2021. Vol. 147. P. 1–11. DOI: 10.1016/j.worlddev.2021.105614.
17. *Cronert A., Hadenius A.* Institutional foundations of global well-being: Democracy, state capacity and social protection // International Political Science Review. 2021. Vol. 42 (5). P. 705–724.
18. *Knutsen C.H., Rasmussen M.* The Autocratic Welfare State: Old-age pensions, credible commitments, and regime survival // Comparative Political Studies. 2018. Vol. 51(5). P. 659–695.
19. *Changa E. C. C., Wub W.-C.* Autocracy and human capital // World Development. 2022. Vol. 157. DOI: 10.1016/j.worlddev.2022.105929.
20. *Han K.* Autocratic welfare programs, economic perceptions, and support for the dictator: Evidence from African autocracies // International Political Science Review. 2021. Vol. 42 (3). P. 416–429. DOI: 10.1177/0192512119897387.
21. *Huang X., Zuo C.* Bread or Roses: How Economic Inequality Affects Regime Support in China? Political Studies, 2021. DOI: 10.1177/003232172111048040.
22. *Hellquist E., Palestini S.* Regional sanctions and the struggle for democracy: Introduction to the special issue // International Political Science Review. 2021. Vol. 42 (4). P. 437–450. <https://doi.org/10.1177/0192512120968109>.
23. *Zagrebina A.* Concepts of democracy in democratic and nondemocratic countries // International Political Science Review. 2020. Vol. 41(2). P. 174–191. DOI: 10.1177/0192512118820716.
24. *Pickel S., Breustedt W., Smolka Th.* Measuring the Quality of Democracy: Why include the citizens’ perspective? // International Political Science Review. 2016. Vol. 37 (5). P. 645–655.
25. *Miller A.H., Hesli V.L., Reisinger W.M.* Conceptions of Democracy among Mass and Elite in Post-Soviet Societies // British Journal of Political Science. 1997. Vol. 27 (02). P. 157–190.
26. *Welzel C., Moreno A.A.* Enlightening People. In R. J. Dalton, C. Welzel (eds). The Civic Culture Transformed. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 59–88.
27. *Jerven M.* Poor Numbers: How We Are Misled by African Development Statistics and What to Do About It. Cornell University Press, Ithaca, NY. 2013.
28. *Jidong C., Xu Y.* Information Manipulation and Reform in Authoritarian Regimes. // Political Science Research and Methods. 2015. Vol. 5 (1). P. 1–16.
29. *Martínez L.R.* How Much Should We Trust the Dictator’s GDP Growth Estimates? Becker Friedman Institute for Economics (Working Paper No. 2021–78), 2021.
30. *Polity IV Individual Country Regime Trends, 1946–2013.* Centre for Systemic Peace. URL: <https://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>.

31. Freedom in the World 2024. Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/country/uzbekistan/freedom-world/2022>.
32. The Transformation Index. Bertelsmann-Stiftung. URL: <https://bti-project.org/en/?cb=00000>.
33. BTI 2014. Uzbekistan Country Report. URL: https://bti-project.org/fileadmin/api/content/en/downloads/reports/country_report_2014_UZB.pdf
34. BTI 2016. Uzbekistan Country Report. URL: https://bti-project.org/fileadmin/api/content/en/downloads/reports/country_report_2016_UZB.pdf
35. BTI 2006. Uzbekistan Country Report. URL: https://bti-project.org/fileadmin/api/content/en/downloads/reports/country_report_2006_UZB.pdf
36. BTI 2012. Uzbekistan Country Report. URL: https://bti-project.org/fileadmin/api/content/en/downloads/reports/country_report_2012_UZB.pdf
37. *Ахмедов Х.Т., Смолук Н.Г.* Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2019. Vol. 2 (1). P. 854–865. DOI:10.24411/2618-7426-2019-00004.
38. Детский труд в Узбекистане искоренен – точка или знак вопроса? // KUN.UZ. 14.06.2019. URL: <https://kun.uz/ru/58972580>.
39. BTI 2020. Uzbekistan Country Report. URL: https://bti-project.org/fileadmin/api/content/en/downloads/reports/country_report_2020_UZB.pdf
40. BTI 2024. Uzbekistan Country Report. URL: https://bti-project.org/fileadmin/api/content/en/downloads/reports/country_report_2024_UZB.pdf
41. WJP Rule of Law Index. World Justice Projects, 2024. URL: <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/global/2024/Uzbekistan/>
42. В Ташкенте обсудили текущее состояние и динамику внешнего долга Узбекистана // Review.UZ, 16.03.2021. URL: <https://review.uz/post/davlat-tashqi-qarzi-qarz-mablaglarning-sarflanishi-va-loyihalar-natijadorligi-mavzusidagi-ochiq-muloqot>
43. Uzbekistan: The Andijon Uprising // International Crisis Group (Asia Briefing N°38). Bishkek/Brussels, 25 May 2005. URL: https://www.justice.gov/sites/default/files/eoir/legacy/2013/06/13/icg_05252005.pdf
44. *Черешнев С.* Восстание нищих // «Известия», 16 мая 2005. URL: <https://iz.ru/news/302381>.
45. Указ Президента Республики Узбекистан от 31.08.2022 г. № УП-213 «О дополнительных мерах по повышению благосостояния населения Республики Каракалпакстан путем ускоренного развития предпринимательства, инновационных технологий и инфраструктур» // Официальный сайт Республики Узбекистан с нормативно-правовыми актами. URL: <https://lex.uz/ru/docs/6181169>.
46. Таджикистан и Узбекистан возобновляют регулярное авиасообщение // Sputnik.Таджикистан. 15.01.2021. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20210115/Tajikistan-Uzbekistan-regularlyarnoe-aviasoobschenie-1032631443.html>
47. *Панфилова В.* Узбекистан, Киргизия и Таджикистан закончили территориальные споры // Независимая газета. 08.01.2025. URL: https://www.ng.ru/cis/2025-01-08/5_9166_uzbekistan.html
48. Democracy Index 2023. Age of conflict. Economist Intelligence, 2024.
49. World Economic Outlook Database: October 2024 Edition. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/October>
50. Систематическая диагностика страны по Узбекистану (Отчёт №106454). Всемирный банк, 2016.
51. Международная организация труда/ОТ, Детский фонд Организации Объединённых Наций/ЮНИСЕФ и Международный банк реконструкции и развития/Всемирный банк. Оценка системы социальной защиты в Узбекистане на базе основного диагностического инструмента (CODI). Женева: Международная организация труда/ОТ, Детский фонд Организации Объединённых Наций/ЮНИСЕФ и Международный банк реконструкции и развития/Всемирный банк, 2020. 145 с.
52. Программа развития ООН. Проектный документ «Профессиональное социальное обслуживание лиц с инвалидностью и одиноких престарелых в Узбекистане». // Официальный

- сайт Программы развития ООН, 2014. URL: <https://info.undp.org/docs/pdc/Documents/UZB/prodoc%20signed%20RUS.pdf>
53. BTI 2003. Uzbekistan Country Report. URL: https://bti-project.org/fileadmin/api/content/en/downloads/reports/country_report_2003_UZB.pdf
54. *Holz hacker H.* Uzbekistan Diagnostic: Assessing Progress and Challenges in Unlocking the Private Sector's Potential and Developing a Sustainable Market Economy. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2018. 27 p.
55. Logistics Performance Index. International Scorecard Page (Uzbekistan) // World Bank, 2024. URL: <https://lpi.worldbank.org/international/scorecard/radar/C/UZB/2023>.
56. IMF Country Report No. 24/210. Republic Of Uzbekistan 2024 Article IV Consultation—Press Release; And Staff Report. Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2024. 94 p.
57. World Bank Group Data. Indicators. 2024. URL: <https://data.worldbank.org/indicator>.
58. Asian Development Bank. Country Partnership Strategy. Uzbekistan, 2024–2028. Fostering Deep Reforms for a Sustainable Transformation to a Green and Inclusive Economy. Manila: Asian Development Bank, 2024. 21 p.
59. CERR Assessed the Activity of the Uzbek Banking Sector // Review.UZ, 09.04.2024. URL: <https://review.uz/en/post/ceir-ocenil-aktivnost-uzbekskogo-bankovskogo-sektora>.
60. Kichik tadbirkorlik subyektlarining jami YaIMdagi ulushi // O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Statistika agentligi, 2024. URL: https://api.siat.stat.uz/media/uploads/sdmx/sdmx_data_420.pdf
61. Kichik tadbirkorlik subyektlarining jami bandlikdagi ulushi // O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Statistika agentligi, 2024. URL: https://api.siat.stat.uz/media/uploads/sdmx/sdmx_data_274.pdf
62. European Bank for Reconstruction and Development. Transition Report 2024–25. Navigating industrial policy. London: European Bank for Reconstruction and Development, 2024. 132 p.
63. Названы причины прорыва плотины Сардобинского водохранилища // Газета.UZ, 27.07.2020. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/07/27/sardoba-results/>
64. Энергетический кризис в Узбекистане: В холода — без тепла и света // Central Asian Bureau for Analytical Reporting, 20.02.2023. URL: <https://cabar.asia/ru/energeticheskij-krizis-v-uzbekistane-v-holoda-bez-tepla-i-sveta>.
65. Эксперты по борьбе с бедностью соберутся в Узбекистане // Daryo, 26.08.2024. URL: <https://daryo.uz/ru/2024/08/26/poverty-experts-to-gather-in-uzbekistan>.
66. Указ Президента Республики Узбекистан от 26.03.2020 г. № УП-5975 «О мерах по кардинальному обновлению государственной политики в сфере развития экономики и сокращения бедности» // Официальный сайт Республики Узбекистан с нормативно-правовыми актами. URL: <https://lex.uz/docs/4778531>.
67. Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Махкамасининг қарори, 28.04.2021 йилдаги 250-сон «Моддий ёрдам ва қўмакка муҳтож оилаларни, хотин-қизлар ва ёшларни ижтимоий қўллаб-қувватлаш бўйича қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида» // Официальный сайт Республики Узбекистан с нормативно-правовыми актами. URL: <https://lex.uz/docs/5398681#5405175>.
68. Ўзбекистон Республикаси Президентининг Фармони 21.12.2023 йилдаги ПФ-209-сон «Махалла институтининг жамиятдаги ролини тубдан ошириш ва унинг аҳоли муаммоларини ҳал этишда биринчи бўлин сифатида ишлашни таъминлашга қаратилган чора-тадбирлар тўғрисида» // Официальный сайт Республики Узбекистан с нормативно-правовыми актами. URL: <https://lex.uz/docs/6705763>.
69. Растущее экономическое неравенство тормозило темп сокращения бедности в Узбекистане — ВБ // Газета.UZ, 11.05.2024. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/05/11/poverty/>
70. Multidimensional Poverty Index 2024. Uzbekistan. UNDP, 2024. URL: <https://hdr.undp.org/sites/default/files/Country-Profiles/MPI2024/UZB.pdf>
71. Sustainable Development Report. United Nations, 2024. URL: <https://dashboards.sdindex.org/>
72. Свыше 40% населения Узбекистана используют выгребные ямы в качестве туалета — ИПМИ // Газета.UZ, 16.03.2023. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/03/16/toilets/>

73. Курбонмуратов А. Больше трети узбекистанцев не имеют доступа к чистой питьевой воде // Central Asian Bureau for Analytical Reporting, 21.06.2022. URL: <https://cabar.asia/ru/bolshe-treti-uzbekistantsev-ne-imeyut-dostupa-k-chistoj-pitevoj-vode>.
74. BTI 2022. Uzbekistan Country Report. URL: https://bti-project.org/fileadmin/api/content/en/downloads/reports/country_report_2022_UZB.pdf
75. The EU Special Incentive Arrangement for Sustainable Development and Good Governance (GSP+) assessment of the Republic of Uzbekistan covering the period 2020- 2022. Brussel: European Commission, 21.11.2023.
76. Worldwide Governance Indicators. World Bank Group, 2024. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators>.
77. O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning Oliy Majlis va O'zbekiston xalqi-ga Murojaatnomasi // O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Administratsiyasi, 20.12.2022. URL: <https://president.uz/oz/lists/view/5774>.

Yekaterina Romanchuk (e-mail: kate.romanchuk@ya.ru)

Junior Researcher,

Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russian Federation)

DEPENDENCE OF ECONOMIC GROWTH OF THE POST-SOVIET STATES ON THEIR POLITICAL SYSTEM (THE CASE OF UZBEKISTAN)

In many recent studies a positive impact of democracy on economic growth has not been reasserted. However, international organizations insist that developing countries implement democratic principles in their political systems in order to ensure sustainable and balanced growth of national economies. The article shows that the connecting element between these two variables is public administration with its performance improvable both within a democratic and an autocratic regime. At the same time, in the course of studying the experience of Uzbekistan, it was found that autocratic regimes are capable of ensuring high rates of economic growth, but it will not be accompanied by the evolution of national economy.

Keywords: Uzbekistan, democracy, economic growth, quality of public administration.

DOI: 10.31857/S0207367625020018